

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-191-212

УДК 2:316.74

РЕЛИГИОЗНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Широкалова Г.С., Шиманская О.К.

Авторы анализируют результативность факторов, формирующих религиозность студенческой молодежи на основе материалов социологического исследования, проведенного в нижегородских вузах. Методологической основой изучения религии как социального института был взят функциональный анализ и теория рационального выбора. Эмпирически подтверждено, что вербальные самохарактеристики религиозности не имеют существенных гендерных отличий. Причину этого авторы видят в изменении религиозных потребностей.

Для атомизированного человека на первый план вышла терапевтическая функция веры, которую не надо отождествлять с компенсаторной, ориентирующей на загробное воздаяние. За рубежом «терапевтами» выступают психологи и психиатры, в России – религиозные институты.

«Веротерапия» дает возможность реализовать базовую потребность в самооправдании. У бога можно вымолить прощение или «купить» его через религиозный институт, обеспечив душевный комфорт. В условиях, когда образовательные институты и семья внушают одни нормы морали, а жить приходится по другим, это крайне важно для самосохранения личности.

Студенты социализировались в условиях посттравматического синдрома, в информационном пространстве, постоянно воспроизводящем утверждения, что религия учитель нравственности, утешитель, источник национальных традиций и т.д. Естественно, что именно они были воспроизведены в ответах юношами и девушками.

Секуляризация в прошлом проявлялась как рефлексия более образованного мужского населения на противоречие научной карти-

ны мира религиозной. Современный гносеологический кризис вызвал сомнения в способности науки дать ответы на мировоззренческие вопросы и стал фактором изменения понятия бога. Религиозные иерархии делают акцент не на создании мира, а образе жизни верующих. В результате формула «чем выше образование, тем ниже религиозность» требует дополнительной верификации в каждом локальном исследовании.

Ключевые слова: религиозность студентов; юноши; девушки; верующие; неверующие; конфессиональная политика государства; семья.

RELIGIOSITY OF STUDENT YOUTH: GENDER ASPECT

Shirokalova G.S., Shimanskaya O.K.

The authors analyze the effectiveness of the factors that shape the religiosity of student youth on the basis of the materials of a sociological survey conducted in Nizhny Novgorod higher educational establishments. The study of religion as a social institution was methodologically based on the functional analysis and the theory of rational choice. It is empirically confirmed that the verbal self-characteristics of religiosity do not have significant gender differences. The authors see the reason for that in the change of religious needs.

For the atomized person, the therapeutic function of faith has come to the fore, which is not associated with a compensatory function, i.e. with a promise of compensation in the afterlife. In foreign countries, the function of “therapists” is performed by psychologists and psychiatrists, in Russia – by religious institutions.

“Faith therapy” makes it possible to satisfy the basic need for self-justification. One can beg God for forgiveness or “buy” forgiveness through a religious institution thus obtaining spiritual comfort. When educational institutions and the family instill one set of moral rules, but one has to live by quite different rules, this is extremely important for the self-preservation of the individual.

Students socialize in the conditions of post-traumatic syndrome, in the information environment where they have been constantly taught that religion is a teacher of morality, a comforter, a source of national traditions, etc. It is only natural that exactly those assertions have been reproduced by young men and girls in their answers.

In the past, secularization manifested itself as a reflection of a more educated male population on the contradiction between the scientific picture of the world and the religious one. The modern gnoseological crisis has raised doubts as to the ability of science to provide answers to worldview questions and become a factor in changing the concept of God. Religious hierarchs focus on the way of life of believers, rather than on the creation of the world. As a result, the formula “the higher the education, the lower the religiosity” requires additional verification in each local study.

Keywords: *religiosity of students; young men; girls; believers; non-believers; confessional politics of the state; family.*

Если в конце 1980-х преобладали субъективные причины интереса к религии, стимулируемые широко празднуемым в СССР 1000-летием «крещения Руси» [22, с. 89–96], то в настоящее время они объективны и порождены ситуацией, которую можно обозначить емким понятием «многофункциональный социальный шок», в основе которого раскол общества по экономическому критерию, лежащему в основе всех других значимых дифференциаций.

Поскольку социальный тоннель для значительной части населения с конца 1980-х заканчивается «черной дырой», и «сверху», и «снизу» актуализировались поиски идентичности в прошлом. Как точно заметил А. Мегил, «когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти», которая может переходить в мемориальную манию [13, с. 138]. А поскольку коммуникативная память охватывает не более 80 лет, стало возможным конструировать историческую православную идентичность дореволюционной России под политический заказ.

Закономерен вопрос: насколько эффективной оказалась конфессиональная политика государства, проводимая уже четверть века?

Какова роль религии как фактора, регулирующего поведение россиян? Для социологии религии это вечные вопросы и ответы на них зависят от многих обстоятельств: конфессиональной принадлежности автора, демографических характеристик и социального статуса респондентов, политического заказа различных акторов, социально-экономической ситуации в стране и т.д. Именно поэтому в научной литературе нет общепризнанных мнений.

Между тем, содержание ответов корректирует конфессиональную политику государства, число лоббистов которой возрастает, особенно со стороны представителей конфессий законодательно отнесенных к традиционным. Отечественное обществоведение всегда фиксировало большую религиозность женщин по сравнению с мужчинами. Сохраняется ли данная тенденция в условиях клерикализации внутренней политики государства? Ответ на этот вопрос мы попытались дать на основе результатов социологического исследования студентов нижегородских вузов.

Чаще религиозность населения России изучается во всероссийском масштабе, что позволяет выявить тренд изменений, но не дает характеристики конкретных социальных групп, поскольку в них они представлены малыми выборками. Цель нашего исследования – оценить роль религии в обществе и личной жизни студенческой молодежи с учетом её гендерных характеристик¹.

Студенческая молодежь выбрана нами по нескольким причинам. В научной литературе и публицистике ярко выражены две позиции: первая – акцентирование религиозного фактора стимулирует раскол молодежи: этнический и религиозный факторы становятся одними

¹ Проанкетировано 1332 студента I–V курсов Нижегородских вузов (по одной группе на каждом курсе). Среди респондентов 394 (29,6%) юношей и 938 (70,4%) девушек. По возрасту: 17 лет – 7,7%, 18 лет – 32,2%, 19 лет – 23,5%, 20 лет – 17%, 21 год – 11,8%, 22 года – 3,3%, 23 года – 1%, 24 года – 1,2%. По месту рождения: жители крупного мегаполиса – 39,7%; областного города – 10%; малых городов – 25,8%; посёлков городского типа – 12,6%; сёл – 11,6%. В целом, 75,5% информантов – представители городской урбанистической культуры, а 24,2% представляют более традиционную социокультурную среду. Обсчет по программе SPSS проведен А.В. Аникиной.

из ведущих мотивов жизнедеятельности молодежи [21, с. 57]. Впрочем, не все обществоведы верят в религию как гарант нравственности или значимый фактор, определяющий образ жизни: при операционализации понятия «духовность» религиозная составляющая часто не включается в инструментарий [12].

Вторая точка зрения прямо противоположна: введение конфессионального образования в светских учебных заведениях стало реальей и на него возлагаются задачи возрождения духовных ценностей [5, с. 211–212]. Подражая политикам, руководители вузов приглашают иерархов на различные торжества, создают православные клубы, развешивают иконы, строят часовни и храмы... Мнение о православии как действенном хранителе традиций широко распространено не только в России, но и за рубежом [16, с. 17–32].

Выбор той или иной позиции – вопрос не только для академической науки, но в первую очередь – актуальной политики, поэтому для оценки их адекватности проводятся многочисленные эмпирические исследования [2]. Не секрет, что во многих кабинетах сегодня висят/стоят иконы, как свидетельство политической благонадежности хозяина и в назидание подчиненным. Из студентов будет формироваться следующее поколение руководителей, и от его конфессиональной позиции зависит ни много ни мало, судьба государства.

Сегодня нет значимых политических партий, которые бы не «заигрывали» в той или иной форме с религией. Например, в регулярно вносимом фракцией КПрФ в ГосДуму и постоянно отклоняемом большинством депутатов законопроекте «Об Общественных советах по содействию защите нравственности в средствах массовой информации в Российской Федерации» (2013 и 2015 гг.) предлагалось включать в число его членов представителей традиционных религиозных организаций [3].

Примером заигрывания с верующим электоратом и, прежде всего, с церковью, и возложения на неё невыполнимых надежд стал законопроект 2014 г. фракции КПрФ о внесении в паспорта графы «вероисповедание», заполняемой (вначале по желанию) на основе списка из 50 официально зарегистрированных конфессий [14].

Итак, отразилась ли конфессиональная политика государства в мировоззрении и религиозной практике молодежи? Наши данные позволяют дать положительный ответ на этот вопрос. Конфессиональная принадлежность наших респондентов в основном совпадает с конфессиональной структурой РФ [1].

В исследованиях студенчества выборка зачастую сильно смещена в пользу девушек, но расчеты делаются по выборке в целом [8. с. 143–146]. Для выявления специфики религиозности юношей и девушек нами эти группы анализировались отдельно. Верующими себя назвали 48,7% юношей и 52,4% девушек; ответы «и да, и нет» выбрали, соответственно, 25,9% и 27,3%, «нет» – 16,8% и 10,9%. Около 9% затруднились с ответом.

Очевидно некоторое отличие в оценках юношей и девушек, хотя, исходя из истории секуляризации, нами ожидалось более критическое отношение юношей к религии как социальному институту. Впрочем, секуляризация многомерный и сложный процесс, требующий мониторингового исследования качественными методами.

Девушки более положительно оценивают роль религии в обществе, но в целом иерархия функций религиозной веры в обеих группах сохраняется (табл. 1). На первом месте – терапия душевного кризиса, столь характерного для транзитного общества. Напомним русскую пословицу: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

Таблица 1.

Мнения респондентов о роли религии в обществе (респондент выбирал 5 основных причин; ранжированы по степени значимости), %

	юноши	девушки
помогает и утешает в трудные минуты	61,8	73,9
помогает в нравственном воспитании людей	61,3	70,4
помогает выжить в стрессовых ситуациях	51,0	58,3
помогает понять самого себя	46,2	56,7
спасает душу	43,0	46,5
помогает лучше понять культуру своего народа и его историю	42,2	45,7
укрепляет семью	30,8	25,8

Окончание табл. 1.

объединяет с единоверцами	24,5	21,6
не приносит ни пользы, ни вреда	19,1	15,1
настраивает против тех, кто имеет другие взгляды	15,7	10,9
приносит вред, т.к. требует смириться с несправедливостью («подставь другую щеку»)	11,1	8,7
другое	3,4	2,2

Нельзя не согласиться с Тарасовой С.: «Социальное расслоение по факту не должно переходить определенные границы, иначе хоть к каждому психиатра приставь – не поможет». Не случайно Россия входит в число стран с высоким уровнем суицидов [18, с. 68, 69].

Характерные для молодежи мировоззренческие поиски поставили самопознание на третье место. Утрата веры в загробный мир отразилась в том, что спасение души менее значимо, чем самовывживание здесь и сейчас.

Почти половина респондентов признает значение религии в становлении и развитии культуры народа. Частые разводы, гражданские браки ставят под сомнение роль веры в укреплении семьи. Разрыв с храмом, как центром общинной жизни, нивелирует значение связей с единоверцами.

Изменение российского законодательства, как условия реализации религиозных потребностей, у респондентов также уходит на второй план, что свидетельствует о приоритетности потребности в психологической стабильности, с одной стороны, и отсутствии навыка анализировать причинно-следственные связи, с другой. Тема отмены гонений на церковь становится менее актуальной не столько из-за ухода поколений и утраты коммуникативной памяти, а с нею эмоционального отношения к прошлому. Главное – актуализация потребности собственного физического и душевного выживания. Это подчеркивает вторичность роли законодательства в общественном мнении перед базовой потребностью в психологической безопасности.

Семья остается «главным проводником религиозности», что подтверждается многими исследованиями, но благодаря клерикализации всего социума, разница становится между юношами и девушками становится менее значимой (табл. 2).

Таблица 2.

Способ вхождения в число последователей конфессии, %

Проходили ли Вы обряд посвящения (вхождения в число последователей) в той или иной конфессии?	юноши	девушки
в детстве, по решению родителей и родственников	54,1	59,0
да, самостоятельно принял решение	5,7	3,4
хочу стать членом выбранной религии в соответствии с обрядом	1,7	1,1
не знаю, не интересовался этим	12,3	13,7
нет	24,8	22,2
не ответили	1,4	0,6

Это корреспондирует с выводом Л.П. Ипатовой, что наиболее распространен «детский» и близкий ему «традиционный» тип религиозного обращения [6, с. 3]. Можно предположить, что в силу возраста у наших респондентов следующие за ним «трагический», «ищущий», «интуитивный», «образцово-показательный», «протестный», «спасающийся», типы обращения представлены в значительно меньшей степени. Распределение ответов в табл. 2 подтверждает этот вывод: мировоззренческие поиски в религиозной сфере характерны для меньшинства.

В то же время родительская семья не обеспечивает воцерковленность молодежи, поскольку большая часть родителей не являются примером в этом отношении: То, что «религиозный капитал» семей не велик через четверть века усиленной клерикализации государства и общества сначала в координатах религиозного плюрализма, а затем регуляции «религиозного рынка» в пользу «традиционных религий», уже нельзя объяснять только атеистическим прошлым. Среди наших респондентов считает свою семью однозначно религиозной треть респондентов (табл. 3).

Таблица 3.

Оценка степени религиозности родительской семьи, %

Вы считаете семью своих родителей:	юноши	девушки
религиозной	34,5	34,4
и да, и нет	38,7	43,4
безразличной к вопросам веры	7,7	8,9
атеистической	2,8	1,9
затрудняюсь ответить	14,0	10,3
другой ответ	2,3	1,1

Как видим, для значительной части студентов информация о религиозности родителей не актуальна, а их вера не проявляется в обыденной жизни. В результате у студентов формируется неустойчивая религиозная ориентация: две трети из них полагают, что «Бог один, а религий много» (табл. 4). Согласие по поводу вселенского единобожия не переходит в оптимизм по поводу единобожия всемирного: лишь каждый десятый считает, что в будущем религии объединятся, почти половина в это не верит, остальные затруднились с ответом. К месту вспомнить афоризм: «Бог создал все, кроме конфессий».

Таблица 4.

Мнения студентов о соотношении понятия «бог» и «религия»

Бог один, религий много	юноши	девушки
да	62,1	69,7
нет	12,3	10,5
затрудняюсь ответить	22,8	18,1
не ответили	2,8	1,7

В качестве примера приведем отношение к праздникам, в которых нередко преобладает религиозный подтекст, всегда основывающийся на сопричастности к чуду. В 40% семей юношей религиозные праздники отмечаются как религиозные, в каждой восьмой как дань народной традиции, в каждой третьей – «когда как», в каждой десятой они не отмечаются. Существенных отличий от семей девушек нет.

Обрядовую религиозность формируют книги и брошюры типа «Как вести себя в храме», продаваемые повсеместно. Популярность их высока: стоят они недорого, но выполняют важную компенсаторную функцию – страдания на земле дают признание на небе. Один из нижегородских писателей рассказал, почему он сменил «писательскую ориентацию»: его брошюры об известных исторических деятелях не продаются, а составленные им «жития святых» раскупаются быстро.

Один из важных показателей, обеспечивающих воцерковленность, – посещение храмов. В 2011 г. Отделом социологии рели-

гии ИСПИ РАН было проведено всероссийское исследование религиозности населения, охватившее 33 населенных пункта и 1600 респондентов. Оно выявило следующие показатели религиозного поведения по массиву «население»: в храм (мечеть) ходят раз в месяц и чаще 8% опрошенных, несколько раз в год – 25% опрошенных, раз в год – 19%, редко, реже раза в год 24%, и 16% никогда не были в храме [17]. Именно на нем настаивает церковь, поскольку это основной источник дохода. Не секрет, что приходам устанавливается финансовый план, определяющий статус клира. Сколько-нибудь значимых гендерных отличий нет и по этому показателю. Меньшинство (менее 10%) более-менее регулярно посещают культовые центры (табл. 5). Большинство либо «захожане», либо индифферентны.

Таблица 5.

Частота посещения церкви (мечети, синагоги, молитвенного дома), %

	юноши	девушки
не реже 1 раза в неделю	2,3	1,8
примерно 1–2 раза в месяц	5,4	7,8
несколько раз в год	36,2	44,3
в религиозные праздники	15,1	16,3
был(а) ради интереса	21,1	18,0
никогда	16,5	10,0
не ответили	3,4	1,8

Налицо низкая степень воцерковленности студенчества. Мы солидарны с С.Д. Лебедевым, что возможность влияния РПЦ «на «Большое общество» сегодня в огромной степени зависит от ее самокритичности и способности работать над собой. Можно сказать, что закончился экстенсивный период ее социального авторитета, основанный на ее социальном и символическом капитале. Нынешние вызовы следует расценивать как начало периода интенсивного, когда этот авторитет она должна активно зарабатывать. Общество в целом все еще ждет от Церкви чего-то, все еще видит в ней авторитетную инстанцию...». Но не можем согласиться, что «рост нынешних критических настроений говорит, скорее, о повышении требований к ней, как к таковой, чем о разочаровании в ней». Не

случайно ведь было и название заседания Научного Совета ВЦИ-ОМ «РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации», проведенного еще 25 июня 2012, на котором С.Д. Лебедевым было озвучено данное мнение [11].

В писаниях о святых подчеркивается обрядовая жизнь: посты, молитвы, паломничества... Что касается трудолюбия, то, по мнению подавляющего большинства, трудовая мораль и вера не имеют точек соприкосновения. Это вполне соответствует тому образу верующих, который пропагандируется СМИ: индивидуалист, ориентирующийся на личное спасение, но не «общинник», не коллективист. Характеристики «настоящего верующего» представлены в таблице 6.

Таблица 6.

Признаки, выделяющие, по мнению респондентов, верующего человека, %

Разрешалось выбрать 5 вариантов ответов	Юноши	Девушки
соблюдение постов и времени молитв	58,7	70,2
празднование религиозных праздников	57,3	58,2
знание символа веры и молитв	51,6	52,5
стремление посетить святые места и поклониться наиболее значимым святыням своей веры	43,0	50,9
хорошее знание Священного Писания и Предания своей религии	36,2	39,5
высоко нравственное поведение	35,3	36,5
обязательное соблюдение обрядов	28,2	32,0
активная помощь нуждающимся, больным, сиротам, старикам и др.	27,1	27,0
желание приобщить других к истинам своей веры	25,1	28,5
внешний вид	24,9	19,3
порицание всех неверующих	13,4	13,2
благотворительность на благо своему городу и развитию культуры и науки	11,7	10,0
строгое следование законодательству о свободе совести	10,8	4,5
порицание представителей других конфессий	8,8	5,7
успехи на своем рабочем месте	7,7	3,7
Не выделяется из других	8,0	8,3

Из распределения данных в табл. 6 следует, что девушки несколько больший акцент делают на обрядовую воцерковленность (соблюдение, празднование, посещение храма) и этику, а юноши на предметно-визуализированную (внешний вид) и правовую (не-

обходимость следования нормам законодательства о свободе совести. Многие исследователи отмечают, что быть верующим сегодня респектабельно, а неверующим или еще хуже – атеистом – просто неприлично. Неслучайно, понятие атеист стало исчезать из социологических опросников. Поэтому мы задали вопрос о характеристиках неверующего человека (табл. 7).

Таблица 7.

Признаки, выделяющие, по мнению респондентов, неверующего человека, %

Разрешалось выбрать 3 варианта ответа	Юноши	Девушки
Приверженность материализму и научному позитивизму	48,7	51,3
Незнание религиозных учений, таинств, обрядов и практик	42,5	53,3
Активная пропаганда своих взглядов	38,7	34,9
Хорошее знание истории, философии и психологии религии	34,2	31,2
Стремление препятствовать верующим в отпавлении их религиозных потребностей, неуважение к религиозным памятникам и святыням	31,3	35,2
Отрицание морали и нравственных норм, моральный релятивизм	27,1	31,2
Высоконравственное поведение	22,2	11,9
Строгое следование российскому законодательству, провозглашающему принцип свободы совести	21,9	20,7
Внешний вид	19,7	15,6
Другое	7,7	6,7

Неверующие в глазах студентов в своем большинстве тоже не являются образцом: «высоконравственных людей» среди них меньше, чем тех, кто отрицает моральные нормы. Хотя они чаще соблюдают законодательство о свободе совести, треть из них препятствует верующим в отпавлении их религиозных потребностей. Они чаще публично отстаивают свою позицию; хотя каждый второй не знает религиозных учений, зато треть хорошо знакома с историей, философией и психологией религии. Особенно критически оценивают их девушки. И хотя в характеристике явно сказываются пропагандистские штампы клерикализма, но в целом и этот, и предыдущий образ косвенно отражает нравственное состояние российского общества.

Сопоставление ответов о должном для верующего человека и реальном поведении самих респондентов свидетельствует, что кри-

терию участия в жизни общины оно не соответствует. Об активном социальном служении всем нуждающимся и говорить не приходится. Молодежь исходит в повседневной жизни из своих целей и условий, в которых находится. В результате повсеместными становятся правила, диктующие логику консьюмеризма, эксплуатирующего и поощряющие страсти, эмоции и пороки, в то время как все основные религии призывают к их ограничению (табл. 8).

Таблица 8.

Самооценка роли религии как регулятора личного поведения, %

	юноши	девушки
всегда следую религиозным заповедям	4,0	0,9
стараюсь следовать заповедям	27,4	31,8
прислушиваюсь к мнению священника (проповедника, пресвитера, духовного учителя)	10,0	7,7
исхожу из реальной ситуации, а не из требований заповедей	32,8	36,4
никогда об этом не задумываюсь	9,4	10,6
никак не сказывается	15,1	11,5
не ответили	1,3	1,1

Распределение ответов не должно вводить в заблуждение: заповеди «не убий, не укради», регламентирующие взаимоотношения людей, по сути, являются светскими, их нарушение наказывается Уголовным кодексом. Убийство же через аборт, не подлежит уголовному наказанию, считали вполне допустимым 30% студенток и 45% студентов МГУДТ [9, с. 203]. Пренебрежение теми, что опираются не на силу госпринуждения, а моральный авторитет и традицию, типа «не завидуй, не прелюбодействуй», не только не осуждается общественным мнением, но и пропагандируется всеми СМИ, включая государственные. Не случайно, «лайковая» самопрезентация в интернете становится целью, нередко реализуемой с угрозой для жизни.

Еще один вопрос был задан о влиянии религии на дружеские отношения. Более терпимы к инакомыслию девушки: половина заявила, что при выборе друзей это не главное – для них традиционно важнее ценности социально одобряемого поведения (юноши – 41,3%). Пропагандируемая в последние годы самоидентификация через отождествление конфессии и национальности одобряется

далеко не всеми. Понятия «русский» и «православный» отождествляют 35,6% юношей и 31,4% девушек. Не согласны с такой формулировкой 45,9% и 49,4%; не задумывался об этом каждый шестой. На аналогичный вопрос: «Тожественны ли для Вас понятия «татарин» и «мусульманин»? – положительно ответило по 28%, 46% выбрали ответ «нет». Не задумывались – 23%.

В условиях социально-экономической напряженности в многонациональном государстве поиски того, что разделяет, политически опасны. Поэтому, на наш взгляд: «Толерантность – это, в первую очередь, не политика, а качество сознания» [10, с. 217]. В 2007 г. Ж.Т. Тощенко писал, что «В целом политика веротерпимости и толерантности важна не сама по себе, а то, что она является важнейшим инструментом сохранения государственной целостности» [20, с. 633]. К сожалению, конфессиональная политика последних лет свидетельствует, что понимания этого, казалось бы, очевидного факта, у российского руководства нет. Хорошо, что молодежь в своем большинстве не «зацикливается» на взаимосвязи национальной и конфессиональной идентичности.

Не только по нашей, но и всероссийской выборке у значительной части опрошенных есть скепсис по поводу роли религии как регулятора поведения. Сильное влияние её на собственную повседневную жизнь отметили 14%; отсутствие какого-либо влияния – 49%, остальные выбрали уклончивую позицию: «не существенно» [15].

Согласимся с К.М. Товбиным: «Поразительных успехов секуляризация добилась на уровне повседневно-бытовом (иллюстрирующем мировоззрение индивидуальное). В сознании современного россиянина все больше утверждаются «моральная миниатюризация» (ограничение моральных норм выгодой и надобностью лишь для себя и своего ближайшего окружения), нигилизм правовой, моральный и духовный...» [19, с. 636, 637].

Подведем некоторые итоги. Во-первых, государство, игнорируя объективные потребности значительной части общества, подстраивая свои функции под интересы обладателей крупных капиталов, создает условия для развития социальных институтов, берущих

на себя функции, от которых оно отказывается. Среди них – религиозные организации, на которые возлагаются большие надежды. В условиях дисфункций государства воцерковление большей части населения рассматривается властью как условие решения проблем и правительства, и общества, и отдельной личности [23, с. 133–145].

Хотя система основных социальных координат является общей для гендерных групп, тревожность ситуации в большей мере осознается юношами, поскольку они находятся в призывном возрасте. В этом проявляется взаимосвязь между религией и политическим процессом, в который вовлечено мужское население. Отметим также, что молодые люди самоопределяются в русле общей жизненной перспективы и им важны ценности социальной успешности. Девушки более склонны к «семейной» рефлексии, им ближе комфортность социального взаимодействия.

Во-вторых, изменились религиозные потребности. Для российского атомизированного человека на первый план вышла терапевтическая функция веры, которая не тождественна компенсаторной, ориентирующей на загробное воздаяние. За рубежом «терапевтами» выступают психологи и психиатры, в России – религиозные институты, стремящиеся заменить советскую «терапию семьи» и «дружеской кухни» после распада социальных связей, проявившегося и в том, что к родным и лучшим друзьям идут после предварительного звонка, а не когда «душа просит». Показательно в этом плане небольшое исследование интернет аудитории. На вопрос «Как вы боретесь в депрессией?» получены следующие ответы: стараюсь отвлечься от проблем – 45%, замыкаюсь в себе – 22%, делюсь проблемами с близкими – 19%, у меня не бывает такого состояния – 9%, свой вариант – 4%, иду к психологу – 1% [7, с. 3]. Нежелание брать на себя чужие проблемы, как и «навешивать» на других свои стало повсеместным.

И еще один аспект «веротерапии»: возможность с помощью бога реализовать базовую потребность в самооправдании. Хотя ни в чем человек так не талантлив, как в искусстве самооправдания, далеко не всегда ближние принимают версию нарушителя морали, закона. У бога же можно вымолить прощение или «купить» его че-

рез религиозный институт, обеспечив себе душевный комфорт. В условиях, когда образовательные институты и семья внушают одни нормы морали, а жить приходится по другим, это крайне важно для самосохранения личности.

В-третьих, отсутствие потребности в воцерковлении, которое обеспечило бы воспроизводство мировоззренческого единства общества, заставило правительство строить идентификацию и консолидацию в форме «гражданской религии». В 2015 г. таковой стала «сакрализация» Победы в Великой Отечественной войне.

В-четвертых, медиасоциализация включает помимо традиционных агентов и институтов фактор новых медиа. Именно они, транслируя модели поведения в безграничном виртуальном пространстве, становятся источником знаний о мире и нашей роли в нем. Их воздействие определяется задачами коммуникатора по внедрению в сознание иерархии ценностей общества потребления, вступающих в противоречие с христианской моралью. В этом пространстве юноши и девушки оказываются в равном положении пользователей медиаресурсами, воспроизводящих навязанные СМИ образцы поведения и жизненные ориентации. В этом одна из причин близости их оценок.

В-пятых, секуляризация в прошлом имела гносеологические корни и проявлялась как рефлексия более образованного мужского населения на противоречие научной картины мира религиозной, требовавшей буквального понимания текстов Библии. Современный гносеологический кризис вызвал сомнения в способности науки дать ответы на мировоззренческие вопросы во всех слоях общества и стал фактором изменения понятия бога. Религиозные иерархи сегодня делают акцент не на создании мира, а образе жизни верующих. В результате формула «чем выше образование, тем ниже религиозность» требует дополнительной верификации в каждом локальном исследовании. В нашей же выборке уровень образования юношей и девушек по формальным характеристикам одинаков.

Список литературы

1. Верим ли мы в бога? // <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13365>.
Пресс выпуск № 1461. Опрос проведен ВЦИОМ 23–24 января

- 2010 г. Опрошено 1600 чел в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. См. также: Верим ли мы в бога? <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/294-verim-li-my-v-boga-vciom-1461.html> 30.03.2010. Дата обращения 1.07. 2018.
2. Динамика ценностных ориентаций молодёжи (2006–2014 гг.): монография / Под общей ред. д-ра филос. наук, проф. Савруцкой Е.П. Н.Новгород; СПб., 2014. 233 с.
 3. Законопроекты и законы, работа над которыми завершена. <http://komitet5.km.duma.gov.ru/site.xp/052050052.html>. Дата обращения 29.07. 2015.
 4. Заседание Научного Совета ВЦИОМ: «РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации» (25 июня 2012). https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2012/2012-06-25-grc.pdf. Дата обращения 5.07.2018.
 5. Золотавин Я.А. Православное духовное просвещение взрослых как основа нравственного воспитания личности // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы X Международной научной конференции. Иваново. 16–17 февраля 2011 г: в 2ч. Иваново: Ивановский госуниверситет, 2011. Ч. 1. 688 с.
 6. Ипатов Л.П. Типы религиозного обращения в православии женщин в современной России. Автореф. дис. ...к.соц.н. М., 2006. 25 с.
 7. Как вы боритесь с депрессией? // ПРОГОРОД. 11 апреля 2015. С. 3. Опрошено 290 пользователей ProGorodNN.
 8. Кобзева Н.А. Особенности религиозности студентов (на примере православия) //Социс. 2006. № 10. С. 143–146.
 9. Котовская М.Г., Шалыгина Н.В. Гендерное пространство в структуре общественного сознания. М.: ИЭА РАН, 2013. 220 с.
 10. Культура. Религия. Толерантность. Культурология: учеб. пособие / О.Н. Сенюткина, О.К. Шиманская, А.С. Паршаков, М.П. Самойлова ; под общ. ред. О.Н. Сенюткиной. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016, 247 с.
 11. Лебедев С.Д. Выступление на заседании НС ВЦИОМ // РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации политической ситуации. К заседанию Научного Совета ВЦИОМ

- 25.06. 2012 г. <http://wciom.ru/fileadmin/nayka/soviet/fedorov.pdf>. Дата обращения 1.05.2018.
12. Липатова Т.Н. Духовный потенциал населения региона: проблема интерпретации и актуализации // Гуманитарии в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т.1. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2013. 696 с.
 13. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
 14. Новикова А. Депутат КПРФ Владимир Федоткин о предложении указывать в паспорте национальность: Люди сами хотят обозначать свою принадлежность к религии // <http://www.kp.ru/online/news/1717976/>. Дата обращения 25.05.2018.
 15. РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации политической ситуации. http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2012/2012-06-25-rpc.pdf. Дата обращения: 11.05.2018.
 16. Рябова Т.Б., Рябов Д.О. Семейные и религиозные ценности как ресурс «мягкой силы» России: дискуссии в современных российских и западных СМИ // Женщина в российском обществе 2017. № 3 (84). С. 17–32.
 17. Синелина Ю.Ю. Новые тенденции в изменении религиозности россиян // IV Российский социологический конгресс. Социология в системе научного управления обществом. Секция 14. Социология религии. М., 2012. С. 784–785 // Электронный ресурс Интернет: http://all-russia-sc.ru/netcat_files/file/Part14.pdf. Дата обращения 1.05.2015.
 18. Тарасова С. Я сильный – мне все можно? Или Москва – город контрастов // Знание – сила. 2015. № 7. С. 68, 69.
 19. Товбин К.М. Русское мировоззрение в эпоху глобализации // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы X Международной научной конференции. Иваново. 16–17 февраля 2011г: в 2ч. Иваново: Ивановский госуниверситет, 2011. Ч. 1. 688 с.
 20. Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность? М.: Akademia? 2007. 664 с.
 21. Тощенко Ж.Т. Этноконфессиональные проблемы высшего образования // Гуманитарии в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т.1. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2013. 696 с.

22. Широкалова Г.С. Свобода совести как политический инструмент в дискуссиях 1980-х гг. // Социс. 2015. № 3. С. 89–96.
23. Широкалова Г.С. Религия как социальный институт в условиях дисфункций государства // Религия как социальный институт: сборник. Москва «АТИСО», 2011. 427 с.

References

1. *Verim li my v boga?* [Do we believe in God?]. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13365>. Press release № 1461. The poll was conducted by VCIOM on January 23–24, 2010. 1600 people were interviewed in 140 settlements in 42 regions, territories and republics of Russia. The statistical error does not exceed 3.4%. See also: Do we believe in God? <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/294-verim-li-my-v-boga-vciom-1461.html>
2. *Dinamika tsennostnykh orientatsiy molodezhi (2006-2014 gg.)* [Dynamics of value orientations of young people (2006–2014)]: monograph / ed. Savrutskaya E.P. N. Novgorod; SPb., 2014. 233 p.
3. *Zakonoproekty i zakony, rabota nad kotorymi zavershena* [Bills and laws, work on which is completed]. <http://komitet5.km.duma.gov.ru/site.xp/052050052.html>
4. *Zasedanie Nauchnogo Soveta VTsIOM: «RPTs: vyzovy, razlomy, riski v novoy obshchestvenno-politicheskoy situatsii» (25 iyunya 2012)* [Meeting of the Scientific Council VTsIOM: “ROC: challenges, faults, risks in the new socio-political situation” (June 25, 2012)]. https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2012/2012-06-25-rpc.pdf
5. Zolotavin Ya.A. Pravoslavnoe dukhovnoe prosveshchenie vzroslykh kak osnova npravstvennogo vospitaniya lichnosti [Orthodox spiritual enlightenment of adults as the basis of moral education of personality]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii KhKh veka. Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ivanovo. 16-17 fevralya 2011g.: v 2ch* [State, society, church in the history of Russia of the twentieth century. Materials of the X International Scientific Conference. Ivanovo. February 16–17, 2011: at 2 hours]. Ivanovo: Ivanovo State University, 2011. Part 1. 688 p.
6. Ipatova L.P. *Tipy religioznogo obrashcheniya v pravoslavie zhenshchin v sovremennoy Rossii* [Types of religious conversion in the Orthodoxy of women in modern Russia]. M., 2006. 25 p.

7. Kak vy borites' s depressiyey? [How do you deal with depression?]. *PROGOROD*. April 11, 2015. P. 3.
8. Kobzeva N.A. *Sotsis*. 2006. № 10, pp. 143–146.
9. Kotovskaya M.G., Shalygina N.V. *Gendernoe prostranstvo v strukture obshchestvennogo soznaniya* [Gender in the structure of public consciousness]. Moscow: IEA RAS, 2013. 220 p.
10. Senyutkina O.N., Shimanskaya O.K., Parshakov A.S., Samoylova M.P. *Kul'tura. Religiya. Tolerantnost'. Kul'turologiya* [Culture. Religion. Tolerance. Culturology]; Ed. O.N. Senyutkina. Moscow: INFRA-M, 2016, 247 p.
11. Lebedev S.D. Vystuplenie na zasedanii NS VTsIOM [Speech at the meeting of the National Council of the All-Russian Public Opinion Research Center]. *RPTs: vyzovy, razlomy, riski v novoy obshchestvenno-politicheskoy situatsii politicheskoy situatsii. K zasedaniyu Nauchnogo Soveta VTsIOM 25.06.2012* [ROC: challenges, faults, risks in the new socio-political situation of the political situation. To the meeting of the Scientific Council VTsIOM 25.06.2012]. <http://wciom.ru/fileadmin/nayka/sovet/fedorov.pdf>
12. Lipatova T.N. Dukhovnyy potentsial naseleniya regiona: problema interpretatsii i aktualizatsii [Spiritual potential of the region's population: the problem of interpretation and actualization]. *Gumanitarii v XXI veke* [Humanities in the 21st century] / Ed. Z.H. Saraliev. Vol. 1. N. Novgorod: Izdatelstvo NISOTS, 2013. 696 p.
13. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. M.: "Canon +", ROOI "Rehabilitation", 2007. 480 p.
14. Novikova A. *Deputat KPRF Vladimir Fedotkin o predlozhenii ukazyvat' v pasporte natsional'nost': Lyudi sami khotyat oboznachat' svoyu prinaldezhnost' k religii* [Communist MP Vladimir Fedotkin on the proposal to indicate in the passport a nationality: People themselves want to denote their belonging to religion]. <http://www.kp.ru/online/news/1717976/>
15. *RPTs: vyzovy, razlomy, riski v novoy obshchestvenno-politicheskoy situatsii politicheskoy situatsii* [ROC: challenges, faults, risks in the new socio-political situation of the political situation]. http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2012/2012-06-25-rpc.pdf

16. Ryabova T.B., Ryabov D.O. Semeynye i religioznye tsennosti kak resurs «myagkoy sily» rossii: diskussii v sovremennykh rossiyskikh i zapadnykh SMI [Family and Religious Values as a Resource of Russia's "Soft Power": Discussions in Modern Russian and Western Media]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. 2017. № 3 (84), pp. 17–32.
17. Sinelina Yu.Yu. Novye tendentsii v izmenenii religioznosti rossiyan [New trends in the change of religiosity of Russians]. *IV Rossiyskiy sotsiologicheskii kongress. Sotsiologiya v sisteme nauchnogo upravleniya obshchestvom. Sektsiya 14. Sotsiologiya religii* [IV Russian sociological congress. Sociology in the system of scientific management of society. Section 14. Sociology of Religion]. M., 2012, pp. 784–785 http://all-russia-sc.ru/netcat_files/file/Part14.pdf
18. Tarasova S. Ya sil'nyy – mne vse mozjno? Ili Moskva – gorod kontrastov [I am strong - can I do anything? Or Moscow is a city of contrasts]. *Znanie – sila* [Knowledge is power]. 2015. № 7, pp. 68, 69.
19. Tovbin K.M. Russkoe mirovozzrenie v epokhu globalizatsii [Russian world outlook in the era of globalization]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii KhKh veka. Materialy Kh Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ivanovo. 16–17 fevralya 2011g: v 2ch.* [State, society, church in the history of Russia of the twentieth century. Materials of the X International Scientific Conference. Ivanovo. February 16–17, 2011: at 2 hours]. Ivanovo: Ivanovo State University, 2011. Part 1. 688 p.
20. Toshchenko Zh.T. Teokratiya: fantom ili real'nost'? [Theocracy: phantom or reality?]. M.: Akademia? 2007. 664 p.
21. Toshchenko Zh.T. Etnokonfessional'nye problemy vysshego obrazovaniya [Ethnoconfessional problems of higher education]. *Gumanitarii v XXI veke* [Humanities in the 21st century] / Ed. Z.H. Saraliev. Vol. 1. N. Novgorod: Izdatelstvo NISOTS, 2013. 696 p.
22. Shirokalova G.S. Svoboda sovesti kak politicheskii instrument v diskussiyakh 1980 [Freedom of conscience as a political tool in the discussions of the 1980s.]. *Sotsis.* 2015. No. 3, pp. 89–96.
23. Shirokalova G.S. Religiya kak sotsial'nyy institut v usloviyakh disfunktsiy gosudarstva [Religion as a Social Institute in Conditions of State

Dysfunctions] *Religiya kak sotsial'nyy institute* [Religion as a Social Institute]: Collection. Moscow "ATISO", 2011. 427 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук,
профессор, зав.кафедрой
Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия
пр-кт Гагарина, 97, г. Нижний Новгород, 603107, Российская Федерация
shirokalova@list.ru

Шиманская Ольга Константиновна, кандидат философских наук,
доцент
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31А, г. Нижний Новгород, 603155, Российская Федерация
shimansk@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Shirokalova Galina Sergeevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department
Nizhny Novgorod State Academy of Agriculture
97, pr-kt Gagarina, Nizhny Novgorod, 603107, Russian Federation
shirokalova@list.ru

Shimanskaya Olga Konstantinovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor
Linguistics University of Nizhny Novgorod
31A, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation
shimansk@mail.ru